Не навреди ему

Автор:
Джек Джордан

Не навреди ему

Джек Джордан

МИФ ПрозаТриллеры МИФ. Не верь себе

Врач, планирующий убийство, или мать, мечтающая вернуть сына? Кто же она – жертва или преступница?

Блестящий кардиохирург Анна Джонс должна убить пациента на операционном столе, чтобы спасти собственного сына. Теперь ей предстоит выбрать между клятвой врача и чувствами матери.

Для кого эта книга

Для поклонников медицинских триллеров и тру-крайм детективов.

Для тех, кому понравились книги «Безмолвный пациент» Алекса Михаэлидеса, «Вниз по кроличьей норе» Марка Биллингхэма, «Пациент» Джаспера Девитта, «Кукушка» Натали Дэниелс.

Для любителей остросюжетной литературы, от которой захватывает дух.

На русском языке публикуется впервые.

Джек Джордан

Не навреди ему

Jack Jordan

Do No Harm

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2022 Jack Jordan

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Сандра Джеррад,

я бесконечно вдохновляюсь матерями, готовыми на все ради детей, как ты была готова ради меня. Эту книгу невозможно было бы представить без тебя

Прежде всего не навредить.

Гиппократ

Прежде всего, не навреди.

Клятва Гиппократа, наши дни

Врачи сталкиваются с психическими заболеваниями… Поэтому не слишком увидивительно, что некоторые черты психически нездоровых людей присутствуют у тех, кто поднялся на вершину нашей профессии.

Дж. Пегрум и О. Пирс, Королевский колледж хирургов, август 2015

Часть первая

1

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 16:32

У меня на шее кровь.

Крошечная точка, не больше веснушки. Совсем незаметная на фоне более важных вещей. Передо мной человек, плоть рассечена, видны кости: черные, в запекшихся пятнах легкие разошлись в стороны, обнажив сердце. Кровавое месиво, а я только и думаю, что об этой крошечной точке.

Перекладываю лезвие из левой руки в правую и вращаю кистью, пока не слышу приятный хруст под кожей. Здесь так тихо, что от холодной плитки на стенах отражается слабое эхо этого звука.

Все присутствующие наблюдают за мной, оценивая твердость моей руки, блеск скальпеля под ярким светом люминесцентных ламп. Кровь окрасила кончик

лезвия в розовый. Несмотря на давление, ладони у меня сухие, а скальпель твердо лежит в руке. Но внутри, под слоем форменной одежды, сердце у меня колотится так, что я едва ли не пробую его на вкус.

Но сердце Питера холодное как лед.

Коронарное шунтирование мистера Даунинга шло как по маслу, а потом что-то случилось. Я открыла грудную клетку скальпелем, потом пилой, с помощью шунтов, изготовленных из бедренных вен, шунтировала закупоренные артерии, чтобы кровь начала поступать к мышце сердца. С аорты снят зажим, кровообращение восстановлено, удален холодный раствор калия, который использовали для прекращения сокращений сердца во время операции, и теперь оно должно ожить.

Я смотрю вниз, в его рассеченную грудную клетку, и жду спазма, судороги, первого удара, который станет признаком жизни.

Ничего не происходит.

– Отодвиньте легкие, пожалуйста.

– Отодвиньте легкие, – повторяет доктор Бёрке.

– Верните на аппарат.

– Возвращаем на аппарат, – откликается Карин со стойки перфузиолога.

Я передаю скальпель помощнице и жду в оглушающей тишине. Когда сердце снова подключено к аппарату искусственного кровообращения, я чувствую, что напряжение утекает из комнаты, как жаркий, затянувшийся вздох.

– Дадим ему время, – говорю я, пережимая аорту, – оно, бедное, наверное, совсем вымоталось.

– Как и все мы, – острит доктор Бёрке, ободряюще подмигивая мне поверх очков.

Он так проявляет заботу, но мы оба знаем, что помочь мне не может никто. Каждая операция – коллективная работа, вплоть до этого момента. Доктор Бёрке занимается препаратами, дыхательной трубкой, следит за показателями; Карин сидит на аппарате искусственного кровообращения; хирург на другом конце подготавливает бедренные вены для трансплантации; у каждого специалиста есть помощники. Возле меня стоит Марго, подает инструменты и тампоны. Но когда дело касается сердца, ответственность только на мне.

По спине у меня пробегает волна жара, между лопатками покалывает.

Сосредоточься.

Я осматриваю грудную полость. Операцию технически сделали хорошо, чисто, шунты пришили надежно. Мы даем сердцу возможность восстановиться, вливаем целый «коктейль» препаратов, чтобы симулировать электрическую активность, ищем метаболические нарушения или что-то, что могли пропустить. Я проверяю, перепроверяю и довожу до совершенства проделанную работу, надеясь, что совершила какую-то ошибку, которую смогу исправить. Ничего не помогает.

Бросаю взгляд на часы на стене. Стремительно приближается конец четырех часов, в течение которых сердце можно держать на аппарате без повреждений. Каждую следующую секунду можно считать очередным гвоздем, забитым в гроб пациента.

Губу у меня покалывает от стекающего пота. Приходится сдерживать желание вытереть ее, повторяя про себя совет моего наставника.

«Никогда не показывай, что нервничаешь. Если ты запаникуешь, запаникуют они. Нельзя привести корабль в гавань, если вся команда попрыгала за борт».

Я сжимаю сердце в руке, сжимаю и разжимаю в том ритме, в котором оно так долго билось раньше, и осторожно кладу его в грудную клетку. Плоть стала ярко-розовой и странным образом выглядит симпатично, как щека, порозовевшая на морозе.

– Попробуем в последний раз, – говорю я и слышу, как струится между слов их настоящий смысл.

Я медленно протягиваю руку, стараясь продлить жизнь пациента как можно дольше, и снимаю зажим с аорты. В сердце струится река крови.

Но ничего не происходит.

Я несколько раз сжимаю сердце рукой, но даже без раствора калия оно кажется странным, холодным; влажным и скользким, как свиная морда.

Давай, Питер.

Плечи у меня напрягаются, я склоняюсь над столом и со всей доступной мне силой пытаюсь вручную запустить сердце. Лицо у меня покрывается потом; Марго молча появляется рядом и промокает каждую каплю.

Я не знаю, сколько времени прошло – минута, десять минут, но, когда я поднимаю глаза от грудной клетки, тяжело дыша в маске и с блестящим от пота лицом, понимаю, что вся команда смотрит на меня и в их глазах читается жалость. И тогда до меня доходит.

Это сердце больше никогда не будет биться.

Стресс пульсирует и отдается болью в глазах, мышцы плеч свело спазмом. Я смотрю на свои руки. Они дрожат, болят оттого, как сильно я сжимала сердце, и я делаю крошечный вдох.

– Отключайте аппарат.

Карин кивает и отводит взгляд. Сегодня умрет человек, и мы будем руководить этим процессом. Я отдам приказ. Она щелкнет переключателем.

– Аппарат отключен, – сообщает она.

– Легкие, пожалуйста.

– Легкие, – повторяет доктор Бёрке.

А потом мы ждем.

Аппарат искусственного кровообращения отключается. Кровь уходит из трубок и возвращается в кровеносную систему пациента. А потом происходит неизбежное: монитор показывает прямую линию замершего сердца. Этот звук отдается в каждом из нас, визгливым эхом ударяется о стены операционной, отражается от каждого аппарата и каждого стального инструмента.

Я смотрю на часы на стене.

– Время смерти 16:53.

2

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 17:10

– Мои соболезнования.

Хирург послабее мог бы в этот момент разглядывать свои ботинки. Если эгоизм не позволил бы ему выдержать взгляд родственника умершего пациента, разбивающий сердце. Но я не отвожу глаз от лица миссис Даунинг и вижу всё: почти беззвучный вскрик, когда на нее обрушивается удар, блестящую пленку слез, застлавшую глаза. Медсестра Вэл из кардиологического отделения рядом со мной нервно дергается.

Я познакомилась с миссис Даунинг, когда они с мужем пришли ко мне на первичную консультацию, и смотрела ей вслед, когда она выходила из кабинета полным надежды упругим шагом. Это должна была быть стандартная процедура; риск, что Питер не вернется домой, был очень невелик. Моя репутация и опыт помогали ей крепко спать по ночам; моя репутация и мой опыт убедили ее мужа подписать документы перед операцией. Как только пройдет шок, она меня за это возненавидит.

– Он страдал? – спрашивает она прерывающимся голосом.

– Нет. Он ничего не почувствовал.

Наверное, она думает, что я бесчеловечная, раз могу твердо смотреть ей в глаза, но у меня просто было много практики. За годы работы я научилась не проявлять в разговоре с родственниками пациентов слишком много сочувствия, чтобы они не сочли это снисходительностью, или грусти, чтобы не перепутали с чувством вины. Если бы я слишком широко улыбнулась, когда подходила к миссис Даунинг, это подарило бы ей ложную надежду. Профессия кардиохирурга означает умение не только чинить сердца, но и разбивать их.

– Миссис Даунинг, – говорю я спокойно, осторожно отстраняясь от ее горя, – Вэл, моя коллега, расскажет вам, что делать дальше, и ответит на любые вопросы. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться к ней.

Вэл берет миссис Даунинг за руку и мягко отводит ее к стулу; ей удается не дать ей разрыдаться, пока я не закрою за собой дверь и не позволю себе расслабить по-британски «застывшую» верхнюю губу.

Закрываю глаза и, перед тем как пойти в раздевалку, делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Я уже давно не теряла пациента, сегодня это случилось впервые за долгое время, и внезапно меня охватывает страх, что это может быть началом длинной цепочки ошибок, но я сразу же отмахиваюсь от этой мысли.

Это первое поражение в длинной череде побед. Помни об этом.

Но я уже знаю, что мне не удастся выбросить операцию из головы – то ли привычка, то ли естественное желание исправить недостатки.

Я захожу в раздевалку, стягивая с себя форму. Переодеваюсь, погрузившись в свои мысли.

– Вы в порядке?

Марго стоит возле своего шкафчика, соседнего с моим, и стягивает волосы в хвост. Ей пора бы подкрасить корни.

– В порядке.

Я снова прокручиваю в голове операцию, деталь за деталью, до того момента, как сердце мистера Даунинга перестало работать. Очевидно, сейчас мне не так хорошо, как обычно, удается прятать свои мысли. Есть такое свойство у ошибок: они ударяют в твою броню, обнажая едва заметные уязвимые участки под ней.

– Вы сделали все, что могли.

– Знаю, – лгу я. – Спасибо.

Я чувствую, что ее взгляд задержался на моем лице. Говорю ровным безапелляционным тоном. Без эмоций. Наверное, она считает меня черствой. Возможно, так и есть.

Я чувствую нечеловеческое равнодушие перед тем, как назвать время смерти. Копаясь в чьей-то грудной клетке, я не испытываю никаких эмоций, как электрик, меняющий проводку. Я не думаю о том, кто лежит под хирургической простыней, или о членах его семьи, которые сидят перед операционной и ждут, чтобы их мир пришел в равновесие или схлопнулся. В противном случае я бы сошла с ума. Только когда я выхожу из операционной, на меня наваливается груз последствий, и весь оставшийся вечер я раз за разом проигрываю свои действия в голове.

– Готовы к субботе? – спрашивает она небрежно.

Я забыла. Отвлеклась на операцию мистера Даунинга. В одно мгновение меня снова наполняет тревога.

Через два дня мне предстоит самая важная операция за всю мою карьеру: шунтирование трех коронарных артерий Ахмеда Шабира, члена парламента от Рэдвуда и, если верить слухам, будущего лидера партии лейбористов. Посвященные, которым нельзя разглашать информацию, чтобы не повлиять на результаты будущих выборов, называют его «Пациент Икс». Неповторимые

ощущения: размахивать скальпелем, зная, что от тебя зависит судьба потенциального премьер-министра.

– Конечно.

У Марго звонит телефон. Она бросает взгляд на экран и бросает телефон в сумку, оставляя звонить дальше. Я замечаю имя – «Ник», – прежде чем телефон исчезает в ее шкафчике, и достаю из сумки свой, чтобы перечитать нашу с Заком переписку.

Зак

Пожалуйста, я не хочу ехать. Ты обещала, что поедешь со мной.

Он отправил это в обед. Мой сын должен был сидеть и играть, а вместо этого нервничал и писал мне. Я ответила ему между операциями, и от чувства вины меня начало тошнить так, что я оставила свой обед нетронутым.

Я

Я больше всего на свете хочу поехать с тобой в путешествие, но у меня есть очень больные пациенты, которым нужна моя помощь. Мы поедем куда-нибудь летом, вдвоем. Придумай, куда хочешь поехать, и я начну все организовывать. Целую.

Зак

Они всегда для тебя важнее.

Я не знала, что на это ответить.

– Планы на вечер?

Марго скручивает сигарету, облизывает кончиком языка край бумажки, складывает ее и кладет себе за ухо.

Она уже несколько раз пыталась навязаться мне в подруги, как будто поставила себе такую задачу и теперь хочет этого добиться. Но я не мешаю рабочие отношения с личными симпатиями. Если коллеги становятся слишком близки друг другу, неизбежно возникают ошибки. В операционной нельзя расслабляться. Гораздо лучше, если все настороже.

Я надеваю куртку, которую достала из шкафчика.

– Особенно никаких. Мой брат завтра повезет моего сына и свою дочь в Корнуолл на пасхальные каникулы, так что хочу провести вечер с сыном перед его отъездом.

Она прекрасно знает, что за жизнь у медицинского работника в Англии, и не спрашивает, почему я не еду с ними. По крайней мере за это я могу быть ей благодарна.

– Как он, справляется?

Моя рука, застегивающая молнию на куртке, замирает на полпути.

– Что, простите?

Глаза у нее расширяются оттого, каким резким внезапно стал мой тон. Я достаю сумку из шкафчика и с силой захлопываю дверцу.

– Это личное, – отрубаю я и иду к двери. – До завтра.

– Ну да, – грубо отвечает она и произносит себе под нос: – Сучка.

Я задерживаюсь у двери, чувствуя, что на языке скопилась уйма непроговоренных слов, а потом закрываю ее за собой с мягким щелчком.

У своей машины я замираю.

В искаженном отражении в стекле мое лицо напоминает череп: темные, с залегшими тенями глазницы; острые скулы и выпирающий подбородок.

Ну и кому ты теперь будешь нужна?

Я забираюсь в машину и бросаю сумку на пассажирское сиденье. Мотор заводится с утомленным ворчанием, и из вентилятора вырывается еле теплый воздух, отгоняя туманную дымку, которой покрыто лобовое стекло. Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

Зак уже, наверное, поужинал и растянулся на диване перед телевизором, а Пола убирает кухню и делает другие дела, которые возникают по ходу. Если бы раньше, когда мы жили в Лондоне, кто-то из соседей предложил бы забрать Зака из школы и сложить посуду в посудомойку, я бы закрыла дверь у него перед носом и накинула бы цепочку. Удивительно, какие чудеса творят несколько километров расстояния и полное отчаяние.

Я сижу впервые за шесть часов и чувствую каждый сустав. При мысли о том, что надо еще погулять с собакой, прихожу в ужас, но потом вспоминаю мордочку Мишки, и у меня сжимается сердце. Зак всегда мечтал иметь собаку, и, купив ее, я надеялась, что мое отсутствие будет менее заметным. Это просто добавило еще одно имя в список тех, чье доверие я обманула.

Я думаю о своем изможденном лице в отражении на стекле и опускаю козырек, чтобы получше его рассмотреть. Лицо под тонким слоем косметики кажется бледным и измученным, вокруг глаз залегли темные тени. Белки глаз порозовели, а губы, наоборот, совершенно бесцветные. Я натягиваю кожу кончиками пальцев, чтобы повернуть время вспять, и замираю, заметив его.

Пятнышко крови, оно по-прежнему у меня на шее.

Я в панике начинаю скрести кожу ногтями, пока на ней не появляется ярко-красное пятно, и чувствую, как под пальцами возбужденно стучит пульс. Кровь засохла, превратилась в корку и отходит хлопьями. Когда мне удается ее отскрести, на коже остаются длинные неровные царапины. Я закрываю глаза и снова откидываюсь на сиденье.

Снова этот зуд.

Не могу от него отвязаться с тех пор, как не запустилось сердце. Он как червяк, который не переставая шевелится у меня в мозгу и отнимает способность сосредоточиться. Я с усилием открываю глаза. И снова встречаюсь взглядом с изможденной женщиной в зеркале.

Я отклеиваю полоску накладных ресниц с правого глаза, обнажая почти лысое веко. На нем – одна-единственная невыдернутая ресница.

Мне уже несколько недель удавалось не поддаваться этому желанию. Сидя на диване по вечерам, я выдергивала ниточки, ковыряла заусенцы до крови – все что угодно, лишь бы не делать то единственное, что меня успокаивает: эта мания преследует меня, сколько я себя помню.

Я чувствую, как начинает покалывать кончики пальцев, когда я представляю, как поднимаю их к глазам. Сжимаю кулаки, чтобы раздавить эту потребность, и случайно сминаю накладные ресницы в ладони. Я ругаюсь себе под нос и пытаюсь расправить ресницы, но это уже бесполезно – они погнулись, как лапы мертвого паука, который навсегда застыл в своей паутине. Снимаю ресницы с другого глаза, скатываю из обеих полосок шарик и бросаю под пассажирское сиденье.

Потребность никуда не делась. Я закатываю рукав куртки и смотрю на волоски на своей руке. Светлые, ломкие, некоторые растут под странным углом, некоторые расщепились на два из-за того, что их постоянно выдергивают с корнем. Если уж и дергать, то на руке, говорю я себе. Проще спрятать. Не так унизительно. Но это не то.

Осторожно подношу руку к глазам, как будто надеясь обмануть саму себя, и чувствую ресницу между пальцев. Потребность растет, и я уже не могу думать ни о чем другом: навязчивая мысль как опухоль в мозге. Я катаю ресницу между пальцами, наслаждаясь моментом, чувствую, как кружится голова, внутри которой происходит финальная схватка, и, наконец, сдаюсь: дергаю. Едва слышный хлопок, и мгновенное облегчение. Меня охватывает чувство умиротворения. Завершаю ритуал, положив ресницу на язык.

Я вздрагиваю, когда начинает звонить телефон, и мельком ловлю свое отражение в зеркале. Щеки у меня возбужденно порозовели, и мне так стыдно, что я не могу заставить себя встретиться с собой взглядом.

Я фрик. Я просто больная, я извращенка.

Я глотаю ресницу и достаю из сумки телефон, на экране имя Адама. Отвечаю через гарнитуру и выезжаю с парковки.

Надо просто добраться до дома.

– Привет, – говорю я, все еще не успокоившись.

– Привет, как дела?

– Все хорошо. У тебя?

– Все нормально. Только что приземлился в Амстердаме, у меня тут встреча. Хотел узнать, все ли в порядке.

Долгая, напряженная пауза. Мы сказали друг другу пару слов, а я уже чувствую, как нахохлилась. Я выезжаю на дорогу. Всего пара поворотов, и я дома.

– Ты за рулем?

– Я только вышла с работы. Тебе что-то нужно?

Останавливаюсь на пешеходном переходе, Адам мнется на другом конце провода. По переходу ковыляет женщина, скрючившись над своими ходунками, с жестким выражением на лице, подставленном холодному ветру.

«Это твое будущее, – произносит голос у меня в голове. – Иссохшая, одинокая».

Я до хруста стискиваю зубы.

– Мой адвокат хочет пересмотреть сумму, – наконец произносит Адам.

Руль скрежещет под моими пальцами, я вжимаю педаль газа в пол. Мотор ревет так внезапно, что женщина вздрагивает, уже стоя на противоположном тротуаре.

– Нет, это ты хочешь пересмотреть сумму.

– Прости, Анна.

– Если ты увеличишь сумму, мне придется продать дом, ты же знаешь. Зак и так плохо справляется со всеми этими переменами.

– У меня нет денег.

Я насмешливо фыркаю.

– Тут ни у кого нет денег.

– Нет, у меня прямо вообще нет денег.

Я сворачиваю с главного шоссе на Проспект, длинную извилистую дорогу с большими частными домами по сторонам. Мой дом стоит в изгибе дороги, в конце собственного переулка, в стороне от улицы. Рядом только дом Полы и маленький участок леса между домом и территорией больницы. Подумать только, мы с Адамом переехали сюда чуть больше года назад, завороженные возможностью бродить по длинным садовым дорожкам в нашем маленьком убежище в стороне от проторенных троп, думая, что переезд из Лондона в пригород сможет нас спасти.

– Мы затем и платим нашим адвокатам целое состояние, чтобы они обсуждали это вместо нас, – говорю я, сворачивая в переулок. – Ты обещал, что разводом будут заниматься они, а мы посвятим свое внимание Заку.

От дна машины отскакивает гравий. Слева от меня живая изгородь, справа перелесок, впереди медленно вырастает из-за деревьев крыша моего дома.

– Адвокат пытался с тобой связаться, Анна. Ты не отвечала.

– Господи, Адам, я пытаюсь полноценно работать и быть матерью-одиночкой одновременно. Мог бы это учесть.

У подъездной дорожки я резко давлю на тормоз.

Адам продолжает меня уговаривать, но я его не слушаю, потому что теперь все мое внимание сосредоточено на припаркованных у дома фургонах. Дверь дома открыта настежь и слегка колышется на сквозняке, и, присмотревшись, я вижу, что за окнами мелькают тени.

В моем доме чужие люди.

3

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 18:02

Я так резко вдыхаю, что чуть не начинаю кашлять. Услышав, что слова застряли у меня в горле, Адам спрашивает:

– Что такое?

– У нас в доме приставы!

– Что?

– Приставы! Фургоны, люди в доме…

– Ты уверена? Кто их впустил?

– Какая разница? У тебя что, настолько нет денег?

– Так, не паникуй, все будет нормально. Я об этом позабочусь. Я все ула…

Я вешаю трубку, поднимаю ручник и выбираюсь из машины в каком-то тумане. Мотор все еще работает, водительская дверь остается открытой, а с приборной панели доносится слабый писк. Но я думаю только о Заке – он сейчас сидит и смотрит, как чужие люди громят его дом, унося за порог все наши пожитки предмет за предметом, и его глаза наполняются слезами.

Господи, Пола просто взяла и впустила их. Она слишком добрая, себе же во вред. Таков порядок, да? Если им удалось попасть внутрь, все по-честному, они заберут все ценные вещи. Им все равно, что здесь принадлежит Адаму, а что мне.

Двое в темных комбинезонах выходят на подъездную дорожку и направляются к одному из фургонов.

– Постойте!

Они продолжают говорить между собой на незнакомом мне языке, обходя фургон. Я иду к ним и стучу того, кто стоит ближе ко мне, по плечу.

– Извините!

Незнакомец оборачивается. Он молодой и симпатичный, у него карие глаза и темная щетина на щеках. Он злобно что-то бормочет и снова поворачивается ко мне спиной. Когда он говорит, мне на щеку падает маленькая капля слюны. Я стираю ее рукой и вытираю ладонь о штанину.

– Послушайте, я не знаю, что происходит, но это не имеет ко мне никакого отношения. Мы с мужем разводимся. Он здесь больше не живет, и все его вещи увезли, когда он… Вы вообще слышите меня?

Они продолжают говорить и смеяться, повернувшись ко мне спиной. Даже если они не понимают по-английски, это не повод меня игнорировать. Я уже собираюсь на них наорать, но вздрагиваю, услышав дрель. Я резко оборачиваюсь.

Дрель работает в моем доме.

Я бросаюсь к двери, чувствуя, как сердце застряло где-то в горле, и вижу, что ковры застелены пластиком. Незнакомцы сминают его своими ботинками, забираясь ко мне на кухню, в гостиную, обходя друг друга на ступеньках лестницы. Повсюду люди: коротко стриженные, широкоплечие, в черных перчатках, с татуировками, выглядывающими из-за воротников. Мысль о том, что они роются в наших вещах, настолько невыносима, что я едва успеваю подавить рыдания.

Я переступаю через порог и, заметив что-то боковым зрением, отшатываюсь в сторону. Со стремянки на меня смотрит сверху вниз человек с дрелью в руке.

Он крепит к стене нечто вроде маленькой камеры.

Я собираюсь что-то сказать, но тут глаза мне застилает мощная плотная пелена штукатурки, осыпающейся со стены. Я, спотыкаясь и закашлявшись в ладонь, иду в прихожую, а за моей спиной начинает реветь дрель.

– Зак? Зак?

У меня пыль в глазах, их режет каждый раз, когда я моргаю. За пеленой слез я различаю крупную фигуру человека, который спускается по лестнице. Каждый его шаг отдается скрипом ступеней.

Сколько их здесь вообще?

– Пола? – мой голос тонет в звуке дрели. – ПОЛА?

Я тру глаза и морщусь, когда пыль въедается глубже. У меня по щекам катятся слезы и затекают под подбородок, когда я поворачиваю лицо в сторону кухни. Мишка должен был залаять. Почему он не лает?

– Зак? – кричу я в тот самый момент, когда стихает шум дрели. Мой голос разносится по прихожей и стремится вверх по лестнице на второй этаж. В нем явственно звучит ужас, даже когда он превращается в эхо.

Пола, наверное, отвела Зака к себе. По крайней мере, ему не придется смотреть на…

– Доктор Джонс.

Я, тяжело дыша, разворачиваюсь к двери, ведущей в гостиную.

– Зайдите к нам, – произносит голос в гостиной.

Это наглое приглашение зайти в мою собственную гостиную излечивает всю мою душевную муку. Теперь мое тело пульсирует злостью, в груди копится яростный жар, пока я не покрываюсь потом в своей куртке. Я быстрым движением вытираю глаза и иду в гостиную.

На меня смотрят трое мужчин. Двое сидят на диване и один – в кресле, каждый держит в руках одну из моих кружек.

– Присядьте, – говорит тот, что сидит в кресле, тем же спокойным тоном. Двое других не отрываясь смотрят на меня с дивана.

– С кем, по вашему мнению, вы разговариваете таким тоном? Вон из моего дома!

– Сядь.

Его глаза полны такой убедительной злобы, что я вздрагиваю, когда встречаюсь с ним взглядом. Я в такой ярости, что меня трясет, и тем не менее я послушно опускаюсь в свободное кресло у камина.

Человеку в кресле около сорока, у него темные волосы с проседью. Костюм и рубашка кажутся слишком тесными для его мускулистого тела. Те, что сидят на диване, немного моложе и покрыты татуировками. У одного из них выбритая голова и тяжелая челюсть, у другого коротко стриженные светлые волосы и следы от прыщей на щеках. Над их головами из угла комнаты за мной наблюдает крошечная камера. Если бы не заходящее солнце в окне напротив, лучи которого отразились от линзы, я бы ее даже не заметила.

Я поворачиваюсь в кресле в поисках других камер и вижу еще одну в противоположном конце комнаты. Она белая, размером с кончик моего пальца и так незаметно сливается с белой стеной и потолком, что я бы не смогла ее рассмотреть, если бы не знала этот дом как свои пять пальцев.

Это не приставы.

– Они здесь в каждой комнате, – говорит человек в кресле.

Все в нем подавляет – от низкого резкого голоса до массивной фигуры, которая едва помещается в кресле. Но доминируют глаза – холодные, пронзительно-голубые, такие светлые и страшные, что я съеживаюсь в кресле.

– Что происходит? – спрашиваю я гораздо менее уверенно. – Где мой сын?

Он наклоняется вперед, чтобы поставить на стол кружку. Я пью из этой кружки каждое утро. Зак раскрасил мне ее сам в подарок на день рождения два года назад. «Самой лучшей мамочке», со звездами и неровными сердечками, с подписью и датой внизу. У меня в горле встает ком.

– Я сейчас скажу кое-что чрезвычайно важное. Не буду повторять дважды, так что слушайте внимательно, не пропустите ни одного слова.

Я открываю рот, чтобы возразить.

– Ваша соседка мертва.

Он так просто это произнес, что я не сразу понимаю ужасное значение его слов. Но когда до меня доходит, это как удар в висок. В мозгу у меня начинает верещать тонкий свисток.

– Ваш сын у нас.

4

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 18:27

Я застываю в кресле, глядя на этих людей.

На короткое мгновение все замирает. В моем сознании – кристальная пустота. Сердце глохнет с болезненным толчком. Воздух застывает в легких. А потом все снова разом обрушивается на меня. Я делаю отчаянный, гортанный вдох, а слезы разъедают мне глаза.

Это неправда… Этого не может быть…

– Доктор Джонс, сосредоточьтесь. Это важно.

Я покорно киваю, одна-единственная слеза ползет по моей скуле.

– Ваш сын в безопасном месте, с ним не случится ничего плохого, если вы будете делать, как мы скажем.

Этот человек, которого я вижу впервые, использует против меня мои же методы. У него тот же тон, которым я говорю родственнику пациента, что пациент умер: сочувственный, но твердый. Мои соболезнования.

– Нужно выполнить одно простое задание, и вам вернут его в целости и сохранности.

У меня подпрыгивает сердце, с такой силой и быстротой, что грудь отзывается болью.

– За… задание? – спрашиваю я хриплым от страха голосом.

– Через два дня вам нужно будет убить Ахмеда Шабира на операционном столе.

У меня отказывает желудок. Меня сейчас стошнит. Перед глазами круги. Я хватаюсь за подлокотники кресла и вжимаю ступни в ковер, отчаянно пытаясь обрести почву под ногами.

– Если вы кому-то об этом расскажете, ваш сын умрет. Если во время выполнения задания вас разоблачат, ваш сын умрет. Если вам не удастся убить пациента, ваш сын умрет вместо него.

Двое на диване смотрят на меня так внимательно, что я буквально чувствую, как меня прожигают их взгляды, но не могу отвести глаз от человека в кресле. Он просит меня сделать невозможное. Не только с этической, но и с практической точки зрения. Но при мысли о том, что он сделает, если я не выполню его задание, глаза у меня снова наполняются слезами. Я хочу спросить, зачем ему это нужно, но он меня опережает.

– Мы поменяли замки, так что можем войти и выйти из дома, камеры будут следить за вашими действиями круглые сутки. Это телефон, по которому мы свяжемся с вами, чтобы сообщить дальнейшие шаги.

Я смотрю на журнальный столик как в тумане. На нем лежит связка новых ключей, дешевый предоплаченный телефон и два аккумулятора.

– Это для вашего личного телефона и для рабочего, – говорит он, проследив за моим взглядом. – Чтобы отслеживать ваши передвижения и ваши разговоры.

Я слышу голоса с подъездной дорожки и оборачиваюсь. Двое, которых я увидела первыми, копаются в моей машине.

– Ставят трекер, – говорит он. – Мы узнаем, если вы попытаетесь его убрать.

Это все неправда, думаю я и замечаю, что слегка раскачиваюсь, сидя в кресле. Я прикусываю щеку с внутренней стороны, чтобы почувствовать что-то, кроме чудовищной боли в грудной клетке.

– Мы будем следить за каждым вашим действием, – продолжает он, опуская руку во внутренний карман пиджака. – И уверяю вас: если вы совершите ошибку, то сильно пожалеете об этом.

Он достает руку и с еле слышным звяканьем кладет на журнальный столик пистолет.

– Помните, доктор Джонс: простое задание, и все это исчезнет, как страшный сон.

Смотрю на ствол пистолета, лежащего передо мной, и внешне я мертвенно неподвижна. Но сознание мое превратилось в хаотичную мешанину эмоций. Глаза у меня наполняются слезами от бессилия и потом так же резко высыхают, когда гнев начинает жечь меня изнутри. Я чувствую головокружение и при этом ясно различаю каждый звук. Мой мозг атакуют хаотичные противоречивые мысли.

А потом, совершенно внезапно, удивляю всех, кто находится в этот момент в комнате. Я начинаю смеяться.

Я смеюсь, пока по лицу у меня не начинают течь слезы и становится трудно дышать. Я чувствую, как сильно покраснела. Человек в кресле, двое на диване смотрят на меня в гробовой тишине.

– Вы шутите, – говорю я, вытирая слезы.

Они продолжают смотреть, не произнося ни слова.

Я мгновенно замолкаю.

– Где он? – в панике спрашиваю я, дико глядя на них. – Где Зак?

Они смотрят на меня в мрачном молчании.

– Зак? – кричу я в сторону прихожей, медленно отрывая взгляд от человека в кресле. – Зак?

Я вскакиваю на ноги, инстинктивно бросаюсь к лестнице и бегу наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Добравшись до второго этажа, спотыкаюсь и падаю. В дверях моей спальни смеется, спускаясь со стремянки, человек – он только что повесил на стену камеру. У него в руках еще одна, и я смотрю на маленькую белую линзу, на красный и синий провода, свисающие сзади.

– Зак?

Я поднимаюсь на ноги и бегу по коридору к его спальне, в углу которой стоит еще один человек, тестируя камеру.

– Вон отсюда!

Он вздрагивает и резко поворачивается. Увидев выражение моего лица, он опускает глаза в пол и, бормоча что-то на своем родном языке, проходит мимо меня к лестнице.

Мою грудь наполняет знакомый запах Зака. В его комнате чисто, только кончик пижамной футболки торчит из корзины для грязного белья. Меня охватывает сильное желание зарыться в нее носом и вдыхать.

Зака здесь нет.

Внезапно меня оглушает его отсутствие. До этого момента я не до конца это осознавала, но сейчас при виде его комнаты, его игрушек, пижамы, которую я сняла с него сегодня утром, меня оглушает. Его правда здесь нет. Отчаянный звук, то ли всхлип, то ли вопль, резонирует у меня в горле.

Нет. Не может быть.

Я захлопываю за собой дверь и мечусь между комнатами, в яростной панике выкрикивая его имя и лавируя между людьми, заполонившими мой дом, игнорируя то, как они смеются надо мной. На меня волнами накатывает тошнота. Я бегу, потом замираю, ощущая, как нарастает чувство, что меня вырвет, а кислота жжет горло. Скатываюсь вниз по лестнице и влетаю на кухню.

На сушилке должны стоять кастрюли, сковородки и тарелка с приборами, которыми Зак пользовался за ужином. Но поверхность чистая, я вижу пятнышки засохшего джема возле тостера, где я в спешке лепила нам завтрак.

– ЗАК?

Слышу собственный рев в ответ. Я стою посреди кухни, грудь у меня вздымается и опускается.

В соседнем доме. Они, наверное, в соседнем доме.

Я выбегаю в прихожую и бросаюсь к входной двери мимо человека на стремянке. Он что-то кричит мне вслед. Я надеюсь, что он свалится и раскроит себе череп о собственные инструменты.

Прохладный воздух сразу высушивает слезы на моем лице. У меня в машине сидит человек, он отгоняет ее, чтобы могли проехать фургоны, а другой на пассажирском сиденье роется в моей сумке. Все происходит так быстро, что я хочу крикнуть им, чтобы они подождали немножко, пока я наконец пойму, в чем здесь дело.

Я бегу по подъездной дорожке, потея в своей куртке, потом через лужайку Полы к двери ее дома и начинаю колотить по ней кулаками.

– Зак? Пола?

Не дождавшись ответа, придвигаю к себе один из горшков с лавровыми деревьями, которые стоят по бокам от входа. На ноги мне сыплется земля, я роюсь в горшке в поисках второго ключа. У меня кружится голова, и я пытаюсь собраться, встав на четвереньки на крыльце и дрожа от холода.

Держись.

Открыв глаза, замечаю, как блестит ключ в горшке с землей.

Я выкапываю его и поднимаюсь на ноги. Руки у меня покрыты землей, колени грязные. Меня так сильно трясет, что не сразу удается вставить ключ в замочную скважину, и я поворачиваю его с такой силой, что, боюсь, он сломается в замке.

Дверь распахивается.

– Пола?

Я жду, когда она отзовется, когда Зак выбежит из-за угла меня встретить, а рядом с ним будет восторженно подпрыгивать Мишка.

В доме стоит звенящая тишина.

Я бегу проверять комнаты, сначала кухню, потом гостиную и останавливаюсь у камина, чтобы перевести дыхание. В доме по-прежнему оглушающе тихо.

Их здесь нет, но, даже несмотря на все свидетельства, это никак не укладывается у меня в голове. Если я буду искать дальше, бежать дальше, я найду их целыми и невредимыми. Это не может быть реальностью. Я трясусь всем телом, мне больно дышать, больно думать, потому что каждая новая мысль переполняет мой мозг настолько, что я не могу дальше думать и трясусь еще сильнее. Я стою посреди гостиной почти с минуту и смотрю на фотографию на каминной полке. На ней Пола со своей дочерью.

Может, они пошли гулять с Мишкой, чтобы быть подальше от всего этого? Это похоже на Полу.

Но разве она не позвонила бы мне?

Я инстинктивно хлопаю себя по карману в поисках телефона, и у меня падает сердце, когда я вспоминаю, что оставила его в сумке. В той самой сумке, где копался один из незнакомцев у меня на подъездной дорожке.

По оставленной мною же дорожке из земли я возвращаюсь к двери и снова бегу по лужайке. Темнеет, и мне приходится напрягаться, чтобы разглядеть землю под ногами. Из двери моего дома выходят один за другим люди, некоторые уже собирают оборудование под звук захлопывающихся дверей фургонов.

Они не уедут, пока я не выясню, где он.

Я бросаюсь в дом и падаю, когда у меня из-под ног неожиданно вырывают пластик. Я приземляюсь на бедро, и боль отдается в ляжке. Я оглядываюсь, не понимая.

На противоположном конце прихожей стоит человек. Он сворачивает пластик в рулон, на губах у него расползается усмешка. Когда он начинает смеяться, меня охватывает желание заставить его заткнуться. Я с трудом встаю на ноги и иду в гостиную. Там стоят трое, ждут меня.

– Где мой сын?

Я бросаюсь на человека с холодными голубыми глазами и с такой силой хватаю его за воротник, что он отступает назад.

– Где он?

Я отчаянно, с силой колочу его по груди, размахиваясь и ударяя вслепую, пока не попадаю ему по носу. Из ноздрей у него брызгает кровь.

Какие-то руки хватают меня сзади и оттаскивают назад с такой силой, что ноги у меня почти отрываются от земли; они швыряют меня об стену с оглушительным стуком. В шее что-то хрустит, перед глазами плывут круги. Я чувствую запах крови у него из носа, чувствую дыхание тех, кто пригвоздил меня к стене.

– Закройте ей рот.

Рот мне накрывает большая рука в перчатке.

– НЕ ВЗДУМАЙ! – слышу я, вгрызаясь в руку. Меня снова ударяют головой об стену, и по позвоночнику пробегает жаркая острая боль. Комната бешено вращается у меня перед глазами. Я пытаюсь схватить ртом воздух, перчатка покрывается моей слюной.

Я не могу дышать.

Голубоглазый ищет что-то в телефоне, втягивая носом кровь, лицо у него призрачно-белое в свете экрана. Я щурюсь от яркого света, когда он подносит его к моему лицу.

На фотографии Пола. Ее кожа приняла тошнотворно-серый оттенок. Глаза у нее распахнуты, губы приоткрыты. В середине лба зияет глубокая темная дыра, уходящая внутрь черепа. Ее тело бросили в какой-то колодец, и густо-черная вода пропитала ее одежду.

Я кричу в ладонь, которая закрывает мне рот, и так сильно рыдаю, что им приходится держать меня вдвоем, чтобы я не извивалась. Но я все равно не могу отвести взгляда от фотографии. Человек убирает телефон в карман брюк.

– Если не сделаешь так, как мы говорим, твой сын к ней присоединится. Я сам засажу ему пулю в голову. Поняла?

Рука в перчатке больше не прижимается к моим губам. Я ловлю ртом воздух.

– Почему я должна вам верить? Как я могу быть уверена, что он еще жив?

Я кричу, рыдаю, но ничего не могу с собой поделать. Он смотрит на меня своими холодными голубыми глазами и вздыхает. Капля крови падает у него из ноздри и приземляется между ботинок. Он достает телефон и прижимает его к уху. Мы все ждем, слушая отдаленные гудки.

– Дай ему трубку, – произносит он.

Он подходит ко мне, и я сжимаюсь, ожидая еще один удар об стену, но вместо этого он подносит телефон к моему уху.

На другом конце я слышу приглушенное шуршание, как будто одна штанина трется о другую при ходьбе, и эхо шагов по твердому полу. Со скрипом петель открывается дверь. Я тяжело дышу в трубку, переводя взгляд с одного лица на другое.

– Мам?

Звук его голоса выбивает из меня дух. Я замираю, открыв рот, по лицу у меня катятся слезы.

– Малыш?

Зак разражается слезами, как будто до этого долго крепился. Я никогда не слышала, чтобы он так плакал, и мне так хочется заключить его в объятия, гладить по голове, целовать каждый миллиметр его лица. Понимая, какое между нами расстояние, я начинаю рыдать еще сильнее. Я закусываю губу, чтобы собраться, и стараюсь говорить как можно четче.

– Малыш, послушай меня. Слушаешь? С тобой все будет хорошо. Я обещаю, что вызволю тебя. Понял?

– Ма-ма-мамочка…

Каждый его всхлип отзывается невыносимой болью. В груди у меня нестерпимо жжет. Они могут меня бить, могут связать, могут выпустить обойму мне в голову, но ничего не сравнится с этой болью.

Человек отнимает телефон от моего уха.

– Нет! Я должна сказать, что люблю его!

К моим губам поднимается рука в перчатке.

– Пожалуйста!

Рука зажимает мне рот. Когда он вешает трубку, у меня подгибаются колени. Двое рывком ставят меня на ноги.

– Теперь понимаешь, что поставлено на карту?

Я яростно киваю под рукой в перчатке, мокрой от моих слез.

Я не могу дышать, я не могу дышать, я не могу дышать.

– Дайте ей сказать.

Рука приподнимается. Я глотаю ртом воздух и выдыхаю с отчаянным стоном:

– Да!

Они меня отпускают. Я мгновенно оседаю на пол и плюхаюсь на копчик.

Сквозь пелену слез вижу, как тот, кого я била, достает что-то из кармана, а его приспешники выходят из комнаты. Это мой телефон. Он достает из него аккумулятор и вставляет тот, который взял с журнального столика, а потом делает то же самое с моим рабочим телефоном. На подъездной дорожке один за

другим загораются фары, так ярко освещая комнату, что я едва могу разглядеть что-то, прищурившись. Я откидываюсь на стену, голова у меня кружится, слушаю ворчание заводящихся моторов, отдаленные шаги, лопотание незнакомой речи.

– Просто выполните задание, доктор Джонс, – говорит голубоглазый. – Вот и все, что от вас требуется.

Он с грохотом захлопывает за собой дверь, и этот звук разносится по всему дому.

Некоторое время я всхлипываю, качаясь из стороны в сторону и обхватив себя руками. Из моего приоткрытого рта течет дорожка слюны. Когда голова перестает кружиться, я открываю глаза.

В комнате темно. В доме тихо.

Вот и все, они ушли.

5

Марго

Четверг, 4 апреля 2019 года, 17:20

Я неплохой человек. Я все время себе это повторяю.

Мельком оглядываюсь через плечо и, наклонив голову, прислушиваюсь к звукам в комнате. Здесь какая-то изощренная планировка, ряды шкафчиков образуют лабиринт узких коридоров со множеством уголков, где можно спрятаться. Но слышу я только бормотание труб в стенах и шум голосов в коридоре за дверью.

Убедившись, что никого нет, я вытаскиваю деньги из сумки Карин и засовываю к себе в задний карман, закрыв шкафчик с легким щелчком.

Будь я плохим человеком, я бы взяла все деньги. Я могла бы взять ее телефон, ее дебетовую карту, дизайнерские часы, которые она всегда прячет внутри своего левого ботинка, но я беру какие-то жалкие десять фунтов. Но несмотря на предлоги, которые я для себя выдумываю, я знаю, что не обчистила ее до нитки не из добрых чувств, а чтобы свести к минимуму шанс, что она заметит пропажу.

У меня в груди загорается огонек вины. Я быстро его задуваю.

Я неплохой человек.

Я иду к двери и замираю, когда вижу, что на нее приклеили очередное объявление.

Осторожно!

Здесь орудуют воры. Просьба обеспечить безопасность своих вещей и оставлять в раздевалке только самое необходимое. Личные вещи остаются без присмотра под вашу ответственность. Если вам известно что-либо, имеющее отношение к недавним кражам, просьба поставить в известность своего непосредственного руководителя.

Сердце у меня забилось сильнее. Быстрыми нервными толчками в грудной клетке.

Первую пропажу заметили только несколько месяцев спустя. Месяцами я торчала здесь допоздна, чтобы остаться одной, рылась в вещах своих коллег и думала, что бы взять. Отсутствие чего они заметят в последнюю очередь? Что им меньше всего нужно? Но чем больше я этим занималась, тем меньше меня заботило, что мои шалости могут вызвать у них какие-то затруднения. К тому времени, как они начали замечать, что что-то происходит, я уже отваживалась залезать в их шкафчики, как только они поворачивались спиной. Я начала воровать не только чтобы сводить концы с концами и расплатиться с долгами, но и ради развлечения. Это зуд, который мне никак не удается заглушить.

Я говорю себе, что я неплохой человек. Может быть, в один прекрасный день я в это поверю.

Я открываю дверь и вздрагиваю. Прямо за дверью стоит мой начальник.

– А вот и вы, – говорит он. – Я вас искал. Можем поговорить?

Кэлвину я никогда не нравилась. Он профессионал и очень редко это показывает, но иногда, когда он думает, что я не вижу, я ловлю на себе его взгляд: он пытается меня разгадать.

Может, у меня паранойя.

– Это подождет до завтра? Мне надо бежать.

У меня от нервов сжимается горло. Мы оба слышим это в моем голосе.

– Это не отнимет много времени, – отвечает он с натянутой улыбкой.

Он знает.

Я отвечаю ему такой же улыбкой. Сердце у меня бешено стучит.

– Да, конечно.

Он ведет меня к себе в кабинет в молчании. Невысокий и квадратный, пряди мышиного цвета волос у него на голове редеют, а из-за темных круглых очков глаза кажутся гораздо меньше, чем на самом деле. Когда мы остаемся одни, Кэлвин обычно первым завязывает разговор, чтобы избежать неловких пауз, но сейчас он даже не пытается это сделать.

Ему больше не нужно притворяться, что я ему нравлюсь. Теперь он может просто меня уволить.

Мы плутаем по коридорам, ведущим к его кабинету, и я думаю обо всем, что в моей жизни будет разрушено, если меня сейчас уволят. Я не смогу расплатиться

с долгами и еще больше задолжаю за квартиру; не удивлюсь, если в конце месяца Сэнди поменяет замки. Уже сегодня мне звонил Ник и оставил несколько злых сообщений, спрашивая, когда я верну ему деньги; и я думаю, как далеко мне придется зайти, прежде чем он перейдет к рукоприкладству. Чем больше я об этом думаю, тем больше впадаю в панику, пока не начинаю трястись всем телом и плохо соображать. Подходя к двери кабинета Кэлвина, я отчаянно пытаюсь выдумать правдоподобную ложь.

Он открывает дверь вытянутой рукой, приглашая меня войти.

Карин сидит перед его столом рядом с Белиндой, она тоже операционная медсестра. Они обе оборачиваются, когда мы входим, и по выражению их лиц становится понятно, что они тоже не знают, о чем пойдет речь. Карин смотрит на меня в недоумении. Я пожимаю плечами.

– Садитесь, – говорит Кэлвин.

Я сажусь рядом с Карин. Ее десятифунтовая бумажка сминается в моем заднем кармане. Она мельком мне улыбается, и я заставляю себя улыбнуться в ответ. От усилия у меня подрагивает уголок рта.

Кэлвин садится за стол и поочередно смотрит на каждую из нас.

– Спасибо, что пришли без предварительного объявления о встрече.

– В чем дело? – спрашивает Карин, бросая взгляд на часы.

– Нас сокращают? – спрашивает Белинда. В ее голосе отчетливо звучит паника, а еще хрипотца курильщицы, которая выкуривает по двадцать штук сигарет в день. Мне точно надо бросать, если я не хочу с возрастом быть похожей на нее. Даже смерть с косой поморщится, когда придет ее забирать.

– Нет, нет, – отвечает он, выставив ладони в успокоительном жесте. – Я со всеми в нашем отделении провожу встречи по поводу недавних краж в женской раздевалке.

У меня по позвоночнику поднимается жар. Когда он смотрит на меня, у меня дергается веко.

– Почему только с нашим отделением? – спрашиваю я. – Мы не одни пользуемся этой раздевалкой.

– Не одни, но мы посмотрели на даты и время, и выяснилось, что кражи происходят в период нашего дежурства.

Об этом я не подумала.

– Так, – говорит Кэлвин, складывая ладони вместе. – Хочу спросить: кто-то из вас замечал что-то подозрительное в последнее время? Или обнаружил пропажу вещей?

Я воровала у каждого, кто присутствует в этой комнате: деньги, сигареты, еду из общего холодильника. Я чувствую, что у меня горят щеки, и стискиваю зубы, чтобы сдержаться. Тело такой стукач. Сразу все выдает.

– У меня пропадали деньги, – выпаливаю я. – Не очень много, пять или десять фунтов время от времени. Я сначала думала, что ошибаюсь в расчетах, но потом начала записывать расходы и увидела, что не сходится.

– Так, – кивает Кэлвин, записывая мое заявление. – Вы кому-то об этом докладывали?

– Я сама только поняла. Как я уже сказала, я думала, что сама забываю, где что потратила.

– Понятно.

Он не смотрит на меня, поэтому мне сложно понять, поверил ли он моей лжи. Пытаюсь разглядеть малейшие признаки: не поднял ли он бровь, не сжал ли губы. Он ничем себя не выдает.

– У меня то же самое, – говорит Карин. – Небольшие суммы, как будто надеется, что я не замечу. Но после каждой смены я теперь пересчитываю деньги, и

несколько раз не хватало пяти или десяти фунтов.

«Пять раз, – думаю я. – Я крала у тебя пять раз».

– У меня сигареты пропадают, – говорит Белинда.

Кэлвин бросает на нее недовольный взгляд. Белинда складывает руки на груди.

– Пропадают, Кэл, пропадают. Я курю двадцать штук в день, ни больше, ни меньше, и почти каждую смену недосчитываюсь одной или двух. Все вместе выходит прилично.

– Ну ладно, по крайней мере, теперь мы знаем, что она курильщица.

Самокрутка у меня за ухом жжет мне висок. Кончик ее указывает прямо на него. Я провожу рукой по волосам, пытаясь замаскировать самокрутку, осторожно, чтобы не смахнуть с насеста.

– Прошу прощения, – говорит Карин, наклоняясь вперед, – но вы только женщин опрашиваете? Ничто не мешает мужской половине персонала зайти в женскую раздевалку. Мы все знаем, что их код отличается на одну цифру.

Я убедительно киваю.

– 1-2-3-4 и 2-3-4-5. Не так уж сложно взломать.

– Вот именно, – добавляет Карин.

«Кто бы говорил, – думаю я. – У твоего шкафчика код 1-1-1-1».

У Кэлвина краснеют щеки.

– Мы поменяем коды. Но мы уверены, что преступник – женщина.

– Почему? – спрашивает Карин.

– Пропадают не только личные вещи, но и больничные запасы. Из тех, которыми пользуются только женщины.

Блин.

– Например? – произносит Карин.

У меня колотится сердце, и ремень сумки в моей потеющей руке становится влажным.

Отвратительная комната. Маленькая, душная. Я смотрю на окно за спиной у Кэлвина, но оно наглухо закрыто.

– В последние месяцы пропадали средства женской гигиены и только недавно… тесты на беременность.

У меня пылают щеки, я опускаю взгляд себе на колени.

– Понятно, – говорит Карин. – Ну тогда вам недолго осталось подождать, чтобы по воровке стало видно.

– Если эта женщина беременна, конечно, – отвечает он. – Тест был положительный…

– Кэлвин, – перебиваю я, – тебе не кажется, что это слегка неуместно? Сотрудницы больницы не должны чувствовать вину за то, что беременны. Если все об этом узнают, вы навлечете подозрение на всех беременных женщин в больнице. Это собрание превратилось в какой-то брейнсторминг, и я бы не хотела в этом участвовать.

– И я не хочу, – быстро вставляет Белинда, хотя я вижу по тому, как она все быстрее и быстрее качает ногой, что дело здесь не в морали, а в том, что ей хочется поскорее выйти на улицу и закурить.

– Вы правы, – говорит Кэлвин, снова покраснев. – Примите мои извинения. Но если вы услышите или увидите что-то, имеющее отношение к недавним кражам, хочу подчеркнуть, что вы можете обратиться ко мне строго конфиденциально.

Мы трое встаем в неловком молчании, в полной тишине, если не считать скрипа отодвигающихся стульев и смачного стука моего сердца.

– Хорошего вечера, – говорит он, обращаясь к Карин и Белинде. – Марго, задержитесь на два слова?

Я себя выдала. Он заметил румянец у меня на щеках, нервную испарину на лбу и на верхней губе. Я киваю, но не сажусь. Я слышу, как за спиной с щелчком закрылась дверь.

– Я просто хотел убедиться, – говорит он, – что у вас дома все в порядке.

Я чувствую, как мой рот наполняется защитным ядом. Это происходит каждый раз, когда кто-то пытается лезть в мою жизнь; мой язык становится острым, как скальпель.

– Почему вы спрашиваете?

– Ну… – он окидывает меня взглядом, – вы в последнее время сильно похудели.

«А ты растолстел», – хочется сказать мне.

– Вам кажется, что это уместно? Обсуждать с сотрудницей ее тело?

Глаза у него расширяются на долю миллиметра; он выпрямляет спину.

– Я не имел в виду ничего предосудительного, просто… – он запинается, откашливается, – просто беспокоюсь.

– Не стоит беспокоиться. Я могу идти?

Он смотрит на меня в недоумении, как будто пытается понять, как так получилось, что его забота вызвала такую реакцию, а потом слегка вздыхает и говорит:

– Да, можете идти.

Я отрывисто киваю и ухожу, не обернувшись, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди.

Если он заметил, что я похудела, он может начать меня подозревать. В конце концов, я сперла у него обед.

Я иду в сторону фойе и думаю о словах Карин.

Ну тогда вам недолго осталось подождать, чтобы по воровке стало видно.

Горло у меня перехватывает от волнения. Когда становится видно, на двенадцатой неделе? Тогда у меня осталось три. Может, мне повезет и я буду одной из тех, по кому нельзя определить, что они беременны. Хотя ма любила шутить, что уже в какие-то шесть месяцев ей приходилось из-за моего веса ходить вразвалку.

Ты была моя маленькая жадина Мэггот, всегда хотела еще.

Я всегда ненавидела это прозвище. Мэггот[1 - Maggot (англ.) – личинка, червяк. Созвучно с именем Margot. Здесь и далее примечания переводчика.]. Но к тому времени, как я поняла, что это означает, кличка уже прилипла: для всех я была Мэггот Барнс.

Выхожу из больницы и делаю глубокий вдох. Прохладный ветер щиплет мне щеки. Я достаю телефон, чтобы посмотреть, сколько времени, и вижу последнее сообщение.

Ник

Ты завралась, подруга. Заплатишь завтра в пять или будешь подбирать с пола зубы.

У меня во рту не остается слюны. Пытаюсь перечитать сообщение, но оно расплывается – так сильно трясется у меня рука. Он дал мне большой пакет травы, когда я еще была у него на хорошем счету, и сказал, что смогу заплатить,

когда у меня будут деньги. Проблема в том, что денег, чтобы с ним расплатиться, у меня так и не появилось, а долги продолжали только расти. Очевидно, у него закончилось терпение.

Я достаю из кармана десятифунтовую бумажку Карин и смотрю, как она трепещет на ветру. Это все деньги, которые у меня есть. Мою зарплату сожрали овердрафт и долг по кредитке. Следующая зарплата мне тоже не поможет, потому что произойдет то же самое: как только деньги появятся на счету, их засосет воронка моего банкротства.

Я вздрагиваю, услышав свое имя, и засовываю бумажку обратно в карман.

Карин проходит мимо меня с улыбкой, крепко прижимая локтем сумку. Интересно, она уже заглянула в кошелек?

– Пока, дорогая! – говорит она, помахав рукой.

– Пока!

Я иду к автобусной остановке, опустив голову, чувствуя, как ветер треплет волосы на голове. Чувство вины вскоре перекрывает зудящий голод, от которого меня начинает тошнить.

Мне не так повезло, как Карин: у меня нет богатых родственников, на которых можно опереться в случае чего, или мужа, который оплачивает половину счетов. Я принадлежу к тем представителям рабочего класса, которым достаточно один раз оступиться, чтобы развалилась вся их жизнь, которым приходится до конца своих дней расплачиваться за одну-единственную ошибку. Я думаю о докторе Джонс, которая приезжает на работу на своем «Мерседесе» и до недавнего времени носила на безымянном пальце бриллиантовое обручальное кольцо, и глотаю обиду.

Наверное, им тоже нужны эти деньги. Но мне они нужны больше.

У меня так сильно начинает урчать в животе, что я отвлекаюсь от своих мыслей. Достаю из-за уха сигарету и закуриваю, чтобы обмануть голод. В кебабной по дороге куплю картошку фри.

За тебя, Карин.

Но внутри набухает чувство вины. Я вспоминаю доброжелательную улыбку, которой она встретила меня, когда я села рядом. Она и не подозревала, что последнее, чего я заслуживаю, – это доброты. Заставляю себя идти дальше, затягиваясь сигаретой, и пытаюсь игнорировать голос ма, который шипит мне в уши.

Жадина Мэггот.

Открываю дверь и захожу в свою пустую квартиру.

Каждый звук эхом отражается от голых деревянных полов и углов. На стенах никаких картин или рамок с фотографиями, на встроенных полках – ни одной книги. Остались только кресло, повернутое к окнам от пола до потолка, и самый дешевый телевизор, который я только смогла найти в комиссионке, куда пришла продать свою плазму. В спальне то же самое: матрас на полу и моя одежда, сложенная стопками у стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Maggot (англ.) – личинка, червяк. Созвучно с именем Margot. Здесь и далее примечания переводчика.

Купить: https://tellnovel.com/dzhordan_dzhek/ne-navredi-emu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити